

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КЛИМКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0217-164X; dialect_arz@mail.ru

КАТЕГОРИЯ РОДА В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ

А н и о т а ц и я . Напомнив на основе классических трудов отечественных лингвистов о характере категории рода имен существительных как несловоизменительной, лексико-грамматической, автор сосредоточил внимание на рассмотрении ее реализации в лично-индивидуальных прозвищах (прежде всего с финалями *-а/-я*) как части микроантропонимического пространства, в том числе через соотношение лексико-грамматических разрядов *апеллятивность – проприальность, одушевленность – неодушевленность*. На материале прозвищных номинант микросистем Нижегородского Окско-Волжско-Сурского межуречья с применением описательного, структурно-семантического, компонентного, сопоставительного и некоторых других интерпретационных методов продемонстрированы факты иной семантизации этой категории по сравнению с апеллятивным пространством. Здесь, в силу актуализированной идентификации, несоответствие грамматических показателей рода имени и пола лица является средством характеризации, создания и выражения повышенной коннотативности единиц. Автором предлагается своеобразная детализация прозвищ по признаку рода и делаются выводы о семантико-грамматическом характере и проявлении категории рода в области прозвищной номинации; о продуктивности в ней лексико-семантического способа деривации (антропонимизации, трансонимизации) в сопровождении ассоциативности, трансформации, наряду с морфологическим способом; о действенности наблюдений и обобщений, содержащихся в классических лингвистических трудах. Предложенная дифференциация прозвищ относительно их квалификации по роду может быть учтена при лексикографической разработке неофициальных антрапонимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : микроантропонимия, прозвище, грамматический род, пол лица, одушевленность – неодушевленность, апеллятивность, лексико-семантический способ деривации, антрапонимизация, коннотативность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Климкова Л. А. Категория рода в неофициальной антрапонимии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.562

ВВЕДЕНИЕ

Категория рода является одной из характерных в русском языке, охватывающей слова склоняемые (имена) и, частично, спрягаемые (отдельные грамматические формы глагола – прошедшего времени изъявительного наклонения, сослагательного наклонения). Для имен существительных она предстает наиболее характерной, специфической, в отличие от согласуемых слов (адъективов) является не чисто грамматической, а лексико-грамматической, поскольку ее суть выражается, раскрывается на уровне сопоставления не форм слов, а отдельных слов при отсутствии внутрисловной парадигмы и изменяемости субстантивов по родам. Это

«несловоизменительная синтагматическая выявляемая морфологическая категория, выражаяющаяся в спо-

собности существительного в формах ед. ч. относиться избирательно к родовым формам согласуемой (в сказуемом – координируемой) с ним словоформы <...>» [7: 465].

Реализация категории рода субстантивов связана с лексико-грамматическими разрядами одушевленности – неодушевленности, а также апеллятивности (нарицательности) – проприальности.

О характеристике категории рода в целом, взаимоотношении родовых классов (разрядов) в апеллятивном пространстве русского языка существует объемная классическая и современная научная литература. Детально, с обращением к грамматической традиции, к разновременным трудам исследователей, причем не только отечественных, рассмотрена категория рода

в работах В. В. Виноградова. Им высказан ряд значимых положений, например:

«Категория рода имен существительных, представляя собой во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий, однако не является в современном русском языке только техническим шаблоном “оформления” существительных. Она еще знаменательна»; «<...> в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола <...>. В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее»; «<...> грамматическая форма рода может быть источником тонких семантических эффектов»; «<...> категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слова. Прежде всего при отнесении или применении слова к лицу, при персонализации имени **остро сказывается несоответствие рода и пола** (выделено нами. – Л. К.)» [2: 57–58, 59] и др. (ср.: [3: 106–111], [4: 317–322], [7: 465–471]).

В ракурсе воспроизведенных идей вполне объяснимо пристальное внимание исследователя к родовой характеристику несклоняемых имен, а также существительных на *-а/-я*, среди которых на фоне имен женского рода он различал единицы мужского рода (малочисленный и непродуктивный разряд слов, типа *воевода*, *вельможа*, *владыка* и некоторые другие) и общего (многочисленный разряд, включающий имена-характеристики, обладающие резкой экспрессивностью, типа *гуляка*, *кутила*, *разина*, *непоседа* и др.) (см.: [2: 52–72]). Относительно второго разряда слов общего рода исследователь приводит мнение К. С. Аксакова о том, что «они являются собственно не названиями лиц, а их характеристиками, их прозвищами (за немногими исключениями)» [2: 67].

* * *

Наш интерес к известной научной информации о категории рода, пристальное внимание к определенным теоретическим положениям являются не случайными, а обусловлены обращением к онимии, возможностью / невозможностью проецирования их в той или иной степени на антропонимическое пространство. Лексикографическая обработка региональной неофициальной антропонимии, микроантропонимии, в частности прозвищ, с целью составления соответствующего словаря [5] выявила своеобразие категории рода в этой области, отдельных ее разрядов, классов слов, а оформление грамматической зоны словарных статей вызвало определенные трудности в родовой характеристике единиц. Не случайно составители некоторых словарей подобного типа избегают обозначать род единиц, или родовая квалификация присваивается им произвольно (перечень словарей прозвищ дан в [5]). Прежде всего это касается определе-

ния родовой принадлежности имен на *-а/-я*, обозначающих лиц мужского пола, типа: *Гуленька* (Виноградовка Арз.), *Борода* (Яново Серг.), *Дуга* (Лопатино Лук.), *Бизя* (Первомайск), *Кукуруза* (Хрипуново Ард.), *Авоська* (Новый Усад Арз.), *Душа* (Тёша Нав.), *Дуняша* (Яново Серг.), *Утка* (Ореховец Див.) и под.¹

Конечно, можно пойти по простому, чисто семантическому пути: род определять по соотношению с полом обозначаемого лица: прозвища мужчин – только мужского рода, прозвища женщин – только женского. Однако этому противоречат, препятствуют факты функционирования в исконной среде обитания, а также языковое (о)сознание диалектоносителя и собирателя-интерпретатора.

Можно было бы в рассматриваемом случае давать двойную помету *м.-ж.* (ср., напр.: [1]). Однако каждая единица, каждое зафиксированное прозвище из серии лично-индивидуальных в данной, отдельной микросистеме называют определенное, конкретное лицо того или иного пола (предельная идентификация), поэтому двойная помета, двойная родовая квалификация вряд ли приемлема, неуместна, даже если аналогичное прозвище в этой или иной микросистеме называет лицо другого пола. (Здесь, правда, возможна двоякая синтагматика, см. об этом ниже.)

Исходя из высказанных соображений, на основе нашего фактического материала – прозвищной номинации в микросистемах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья мы предлагаем ряд позиций в области родовой квалификации единиц на *-а/-я*. Так, к мужскому роду относятся прозвища лиц мужского пола, образованные:

– лексико-семантическим способом, онимизацией, антропонимизацией апеллятивов общего рода, причем всех типов (см. о них: [2: 68–71]), например:

Дылда (Шатовка Арз.), *Балда* (Дивеево, Юморга Пильн.), *Кулёма* (Княжиха Пильн., Ильинское Поч.), *Кулиша* (Новый Мир Вад.), *Куляда* (Суморьево Воз.), *Корыка* (Бебяево Арз., Малый Макателем Перв.), *Кутыла* (Тёша Нав.), *Кутылка* (Починки Шатк.), *Лабуда* (Круглово, Мухтолово Ард.), *Куряка* (Виля Выкс.), *Быка* (Пешелань Арз.), *Кёнтра* (Кудеярово Лук., Кавлей Ард.), *Барыга* (Мотовилово Арз., Большие Бакалды Бут.), *Барма* (Мухтолово Ард., Кирилловка Арз.) и др.

Сюда же входят и модификаты персонимов общего рода типа *Саша*, *Саня*, *Шура*, *Валя*, *Сима* и производные от них, например: *Сашуня*, *Санята*, *Валюня*, *Лёкся*, *Шурынька* и др. (в отличие от *Миша*, *Мишаня*, *Сережа*, *Сергуня*, *Андрюшка* и т. д., которые только мужского рода, сохраняя его и при использовании для прозвывания лиц женского пола, см. об этом ниже);

– антропонимизацией апеллятивов мужского рода со значением лица только мужского пола, в том числе в сопровождении трансформации, модификации звукового облика и/или структуры исходной базы (слова):

Бáтышка (Пушкарка Арз.), **Бáтя** (Курилово Д.-Конст.), **Батýня** (Большое Туманово Арз.), **Бráтка** (Натальино Нав.), **Братúха** (Новое Шатк.), **Бráтынька** (Ковакса Арз.), **Бýйтка** – братка (Новый Усад Арз.), **Бýтонька** (Заречное Арз.), **Балáтынька** (Ветошкино Арз.), **Клáтынька** (Замятино Арз.) (последние три единицы от *братынька*) и др.;

– трансантропонимизацией мужского персонима при изменении звукового облика и/или структуры единицы: **Бóха** – Боря (Берещино Перв.), **Коёда**, **Коёда** – Володя (Красный Бор Шатк.), **Лéся** – Алёша (Бахтызино Воз.) и др.;

– морфологическим способом от персонимов мужского рода и/или их трансформацией (на базе той или иной ассоциации):

Димагá – Дима (Малая Мажарка Кр.-Окт.), **Бóба** – Борька (Новый Усад Спас.), **Бóба** – Вовка (Суворово Див.), **Балёня** – Лёня (Кумыш Пильн.). Вместо *Бабушкин* Лёня говорил *Балёня* (Семеново Арз.), Болёня – Большой Лёня. Было два Лёни, Большой и Маленький. Вот Большова Лёню Болёней стали звать, штоб покороче было (Звягино Казак. Вач.), **Басáня**. В школу он ходил очень редко. И вот когда придёт, все учителя говорили: «Б-а-а! Саня!» Так и стали звать Басания. А потом Боня, сокращенно от Басания (Мерлино Арз.), **Бакóля** (Ильинское Поч.), **Колáя** (Мурзицы Сеч.), **Колáга** (Маресово Кр.-Окт.), **Колáка** (Борнуково Бут.), **Колáся** (Лихачи Див.), **Сикóля** (Ковакса Арз.) – все от Коля, **Кóденька** (Семеново Арз.), **Кóтенька** (Ильинское Поч.) – оба от Коленька; а также др.;

– морфологическим способом от фамилий лиц мужского пола: **Кукнá** (Мотызлей Воз.), **Кукúня** (Пожарки Серг.), **Кукóля** (Круглово Ард.) – Кукушкин; **Синéлька** – Синельников (Суворово Див.) и др.;

– своеобразной редеривацией (или десуффиксацией) при возможной ассоциативности на базе фамилий мужского рода:

Аду́шка – Адушкин (Лопатино Лук.), **Ку́йка** – Кукин (Каменка Арз.), **Ловы́га** – Ловыгин (Новый Усад Спас.), **Бандúра** – Бандурин (Шатк.), **Гóзя** – Гозин (Кошкарово Серг.), **Батúря** – Батурина (Лопатино Лук.), **Каду́шка** – Кадушкин (Красный Бор Шатк.) и др.

При этом то или иное прозвище имеет и вид персонима, полного или модифицированного (модификата):

Амéля – Амелин, здесь возможно действие ассоциации с Емелием (Пещелань Арз.), **Анíка** – Аникин (Мотовилово Арз.), **Афóния** – Афонин (Пильн.), **Кузáха** – Кузин (Илёв Воз.), **Кúзя** – Кузин (Семеново Арз.), Кузьмин (Великий Враг Шатк.), Кузьмичев (Можаров Майдан Пильн.), Кузьминов (Чернуха Арз.), Кузнецов (Ковакса Арз.).

Такая квалификация рода остается и при ассоциации с недифференцированными по полу названиями живых существ, не-лиц: **Антилóпа** – Ампилов (Лукоянов);

– морфологическим способом, суффиксацией, в том числе нулевой, от основ слов разных частей речи, тем более от имен мужского рода:

Бандóга – бандит (Новый Усад Арз.), **Барáша** – баран (Б. Туманово Арз.), **Клопáша** – клоп (Сонино Нав.), **Сóля** – соль (Лихачи Див.), **Арéжса** – зарежу; здесь и трансформация облика исходного слова (Замятино Арз.), **Мазýла** (Б. Туманово Арз.), **Мазýлка** (Б. Печерки Шатк.) – от мазать, **Рéбушка** – ребой, ребая (Пергалей Бут.), **Сокнáшка** – сотня (Ветошкино Арз.), **Сóдынька** – в карты всё просаживал (Мотовилово Арз.), **Лузгá** – он говорит быстро, тараторит, как лузгат семечки (Новый Усад Арз.); **Бакóля** (Туртапки Ард.), **Бакóлька** – бакулить (Выползово Ард.), **Балакóуша** – балакать (Курилово Д.-Конст.), **Бахóря** – бахорить (Успенское Арз.), **Борóна** – боронить (Высоково Ард.), **Баландá** – баландить (Ковакса Арз.), **Балабóшика** (Салганы Кр.-Окт.), **Балабáшика** (Никольское Арз.), **Балабóла** (Пильна), **Балабóлка** (Андросово Гаг., Архангельское Шатк.) – от балаболить; и др.

Все приведенные и подобные девербативы, образованные в том числе от глаголов говорения, со значением ‘много и попусту говорить’, ‘болтать’, ‘врать’, могут характеризовать лиц обоих полов, входя тем самым в класс имен общего рода;

– лексико-семантическим способом от одушевленных апеллятивов женского рода, называющих живые существа без дифференциации по полу; антропонимизируясь, входя в другой лексико-грамматический разряд, такие единицы в силу возникшей, актуализированной идентификации лица, в том числе гендерной, получают способность такой дифференциации, приближаясь, по большому счету, к существительным общего рода, таковы:

Блоха (Ключево Серг.), **Акула** (Ульяново Лук.), **Галка** (Зеленые Горы Вад.), **Крыса** (Никулино Лук.), **Андатра** (Новоселки Воз.), **Синичка** (Лопатино Вад.), **Сова** (Лопатино Вад.), **Лягушка** (Мотызлей Воз.), **Жаба** (Лихачи Див.) и др.;

– лексико-семантическим способом, антропонимизацией как одушевленных, так и неодушевленных апеллятивов с трансформацией их внешнего облика, значительно обособляющей номинанту, отделяющей прозвище от исходного слова, например:

Акиá – лапша (Княжиха Пильн.), **Кунýна** – кувшин (Елховка Вад.), **Лакомóнька** – молоко (Пологовка Арз.), **Коёва** – корова (Красное Сеч.), **Бéня** – баня (Тилинино Перев.), **Лябáка** – собака (Бахтызино Воз.), **Кýна** – кино (Мотызлей Воз.) и др.;

— лексико-семантическим способом от апеллятивов женского рода путем переноса по принципу синекдохи с части на целое: с части человеческого тела на всего человека, мужчину, типа:

Башка — башка. *Башка пришёл и сидит* (Сарминский Майдан Воз.), У нёво башка здорова какá-то. Да и сам Башка-то здоровай (Тёплово Кул.), **Голова**. Славку зовём Голова: у нево голова большá да ўмна (Большое Туманово Арз.), **Борода** (Яново Серг., Верякующи Див., Андрособо Гаг.), **Ляга**. Что-то с лягами связано; ляги — эти ноги (Красный Бор Шатк.), **Лапка** — лапка, лапа ‘нога’. Косолапай он. Ево и зовут Лапка. Лапка косолапай (Мотызлей Воз.) и др.

К разряду прозвищ мужского рода относятся непроизводные слова (с неясной, утраченной мотивацией и производностью), например:

Бёнда (Смагино Бут.), **Куйшика** (Шатки), **Кулáня** (Натальино Нав.), **Кўпа** (Берещино Перв.), **Кўрна** (Четвертово Ард.), **Кумýра** (Салганы Кр.-Окт.), **Кушлá** (Поляна Перв.), **Лёда** (Шершево Перв.), **Лёма** (Ичалки Перв.), **Лýба** (Яново Серг.), **Лýтя** (Бутаково Воз.), **Мазéка** (Лопатино Вад.) и др.

В диапазоне всей названной региональной макросистемы прозвища этой группы, по всей вероятности, могут называть и лиц женского пола, приближаясь к разряду слов общего рода или являясь ими.

Относительно некоторых случаев целесообразно, думается, квалифицировать прозвища лиц мужского пола как единицы женского рода. Это прозвища, образованные лексико-семантическим способом, антропонимизацией:

— от женских персонимов, типа:

Авдотья, ж., обидн. Он сё, кто ни едет, кто ни идет, всех кричит: «Авдотья!» И яво так празывают. Канешно, обидно: бабско имя-то. (Новый Усад Арз.), **Аннушика**, ж., обидн. Мужик он, а гаварит па-бабы, ну и Аннушикай празвали. — Он мужик, а всё па-бабы делают. И паговорка у нево бабья, и знат, какую ленту на бабью рубаху наложист или как китайщик сшить. — Вон и Аннушика пашёл. (Мотызлей Воз.), **Алёна**, ж., обидн. Как дивчонка он, Алёшей завут, назвали Алёной, а он абиожатся (Пильна), **Глафира** (Леметь Ард.), **Грунька** (Новый Усад Спас.), **Мания** (Рогово Нав.), **Маруся** (Красный Бор Шатк.), **Марина** (Венец Ард.), **Катенька** (Абрамово Арз.), **Катюша** (Мерлино Арз.), **Люся** (Мадаево Поч.), **Марфа** (Верегино Арз.), **Прасковья** (Абрамово Арз.), **Любáнька** (Чернуха Арз.), **Акулька** (Салганы Кр.-Окт.), **Дунька** (Архангельское Шатк.), **Маруська** (Морозовка Арз.), **Фрося** (Котиха Арз.), **Дуняша** (Яново Серг.), **Света**. Света — это Катков у нас, ему лет тридцать. Он как девушка, застенчивый, билалицкий, румянный, — вот и Света он пазтаму (Лукоянов), **Варвара** (Зеленые Горы Вад.) и др.;

— от одушевленных существительных со значением лица только женского пола:

Бáбонька (П. им. Степана Разина Лук.), **Бабушка**. Мальчишка у бабушки всё время живёт, вот и про-

звали ево так Бабушкой (Чернуха Арз.), **Бáушка**. Ведёт сия, как баушка (Первомайск), **Бабуся** (Измайлловка Ард.), **Бабdуния**. В детстве, бывало, как чутъ, так сразу зовёт свою бабу Дуню, жалутся на всех. Вот и стал Бабдуния (Макарьево Лыск.), **Баба Рязанская** (Курилово Д.-Конст.), **Мама Лиза**. Мужик, а зовут так, по маме (Беговатово Арз.), **Мамáша** (Малая Якшень Шатк.) и др.;

— от одушевленных апеллятивов женского рода со специфическими морфемными и функциональными показателями женской:

Принцесса. У нёво походка жéнска и вообще медлительней. Вот и назвали в насмешку вроде (Казаково Арз.), **Нянька**. В детстве сидел с младшими детьми (Замятине Арз.), **Хинíха**. По бабушке называли. Она была Хиниха (Борнуково Бут.), **Мýлка** (Б. Туманово Арз.), **Гусыня** (Б. Туманово Арз.) и др.;

— от одушевленных субстантивов женского рода со значением живого существа (не-лица) с дифференциацией по полу, типа:

Коза. Вертлявай он, как коза (Ветошкино Арз.), **Корова**. Ему Быков фамилие, вот и прозвали Корова, обидно, неприятно (Мухтолово Ард.), **Курица** (Малая Мажарка Кр.-Окт.), **Курочка** (Леметь Ард.), **Кошка** (Трудовое Див.), **Овца** (Виля Выкс.) и др.;

— от неодушевленных имен существительных женского рода со значением предмета; здесь сильна и предметная ассоциативность:

Бляха. Он всегда на груди какие-нибудь бляхи носит, ордена, значки (Новый Усад Спас.), **Баклúша**. Он на баклуше ходит, ну на чурке деревянной, протез носит с войны, как баклуша сделан он, протез-ат (Мотовилово Арз.), **Куча** (Лидовка Арз.), **Бутылка**. Бутылка пьет больно, пропил уж всё (Архангельское Шатк.), **Бахила** (Мотызлей Воз.), **Булавка**. У нево фамилия Булавов, вот и Булавка (Лесогорск Шатк.), **Булка**, **Бүленька** (Курмыш, Мамешево Пильн.), **Дырка**. Штаны с дыркой носил (Лопатино Лук.), **Бормотуха**. Бормотуху, вино красно пил. (Новый Усад Арз.), **Нормализация** (Курмыш Пильн.), **Дружба** (Мухтолово Ард.), **Дудá**, **Дудочка** (Толба, Пожарки Серг.), **Черёмуха** (Малиновка Б.-Болд.), **Чекúшка** — чекушка ‘бутылка’ (Ильинское Поч.), **Тарелка** (Макарьево Лыск.), **Тáпочка** (Новый Мир Вад.), **Революция** (Ломовка Арх.), **Репа** (Виля Выкс.), **Вещь**. Газета (Б. Туманово Арз.), **Козья Ножка** (Абрамово Арз.), **Беда** (Крюковка Лук.), **Клеший** (Туркуши Кул.), **Вагонетка** (Автодесово Арз.), **Берданка** (Абрамово Арз.), **Жакéтка** (Никольское Арз.), **Лепёшка** (Венец Ард.), **Конфетка** (Старое Иванцево Шатк.), **Капелька** (Красное Сеч.), **Колбаса** (Ждановка Кр.-Окт.), **Картóша** (Княжиха Пильн.) и др.

Сохраняется родовая квалификация при образовании прозвищ трансонимизацией, от топонимов: **Европа** (Малый Макателём Перв.), **Канада** (Абрамово Арз.), **Караганда** (Лопатино Серг.), **Колыма** (Кошелиха Перв.), **Куба** (Сеченово, Курилово Д.-Конст.), **Вологда** (Шатки) и др.

Во всех случаях второго типа (сохранение женского рода в прозвищах) использование слов на *-а/-я* для называния лиц мужского пола не переводит их в класс имен мужского рода, подобно тому, как в апеллятивном пространстве, по признанию В. В. Виноградова, применение к лицам мужского пола слов типа *шляпа, стерва, башка, голова, змея, пила, баба, курица* не меняет их род (см.: [2: 71]).

Как раз несоответствие грамматического рода и синтагматики (типа *Жакетка пришла*) полу-прозываемого через подчеркнутое значение женскойности служит дополнительным средством создания коннотативности прозвища. Более того, в этом проявляется интенция нарочитой номинации лица словом женского рода для выражения повышенной эмоционально-экспрессивной, аксиологической, негативной окрашенности (на-смешки, иронии, уничижения).

Еще больше подчеркивает такое несоответствие явлений *род – пол* согласуемый адъектив в составных прозвищных номинантах мужчин, например:

Ворона Общипанная (Мухтолово Ард.), **Курочка Рябенькая** (Пермево Б.-Болд.), **Коленкорова Голова**, **Кувшинова Голова** (Красный Бор Шатк.), **Лошадиная Башка** (Балахониха Арз.), **Большая Энциклопедия** (Малая Мажарка Кр.-Окт.), **Хромая Нога** (Ковакса Арз.), **Милая Роща** (Высокий Оселок Спас.), **Мать Дорогая** (Выездное Арз.), **Дубина Дубовая** (Семеново Арз.) и под.

В разряде прозвищ на *-а/-я* при актуализации тех или иных ассоциативных, деривационных связей, мотивации при функционировании возможна разносубъектно-объектная, разнореферентная, разногендерная тезоименность, внутри- и внесистемная. См. один из многочисленных примеров:

Макака, ж., обидн. Прозвище девочки. Фамилия *ей Макарова, вот и Макака* (Голяткино Ард.).

Макака, ж., обидн. Прозвище женщины. *Благá на лицо-то, ровно как на макаку сходит* (Мотовилово Арз.).

Макака, м., обидн. Прозвище мальчика. *Макака зовут, потому что он похож на макаку. Губы у неё большие, толстые, глаза тоже большие, выпуклы* (Новый Мир Вад.).

Макака, м., обидн. Прозвище мальчика. *Потому, что фамилия его Макулин, да и похож на макаку, на обезьяну такую. Вот и прозвали Макака* (Саблуково Спас.).

Макака, м., обидн. Прозвище мужчины. *Ёму Макаров фамилие, вот и зовут Макака* (Мухтолово Ард.).

Макака, м., ирон. Прозвище мальчика. *Ане дваеши да на абизьянкав пахожи. А кажнай из них – Макака* (Ореховец Див.).

В целом в этом разряде прозвищ (на *-а/-я*) больше номинант мужского рода, что вписывает-

ся в вывод об одушевленных апеллятивах: «В количественном отношении существительные мужского рода преобладают» [7: 467], (ср.: [2: 65]). Ср. мысль, высказанную в связи с анализом антропонимов (фамилий от мужских имен): «В русском языке вообще слов мужского рода больше, чем слов женского рода» [8: 84] и перечень отперсонимных фамилий на *-а/-я, -о* [8: 100–145].

Такого же функционального, коннотативного результата и эффекта рассогласования явлений *грамматический род – пол* в отапеллятивных прозвищах и с другими финалями, образованных от основ существительных. Здесь наблюдается соотношение:

– мужской род – лицо женского пола:
а) от одушевленных субстантивов –

Милиционер, м. *Она всё про всех пёрава узнавала* (Семеново Арз.), **Профессор**, м. *Умна слишком, всё знает, всё умеет* (Большие Бакалды Бут.), **Коменданнт**, м. *За всем всегда следила, сё в порядке содержала* (Малая Поляна Лук.), **Басмач**, м. *Басмач косинку носила так, как басмач* (Чернуха Арз.), **Бык**, м. *Ана прям бык настаящий, как упрётся – не сваротишь* (Первомайск), **Прокурор**, м. (Азрапино Поч.), **Боец**, м. (Выползово Ард.) и др.

Сохраняют мужской род прозвища женщин, образованных путем перехода в этот разряд мужских персонимов, в том числе их модификаторов:

Алексей. Её называли так, потому что всё мужское делают (Стрелка Вад.), **Алёнка**. Татьяну Жаркову зовём эдак. По отчеству она Ляксенва, и имя тако дали (Смагино Бут.), **Борис**. Отчество у неё Барисовна, вот и стала Барис (Первомайск); **Гаврош**, м. (Бритово Шатк.), **Тарас Бульба**, м. (Б. Туманово Арз.) и др.;

б) от неодушевленных субстантивов –

Борщ, м. *Волосы у неё красные, как в борще искупались* (Первомайск), **Барабан**, м. Уж коли она возвращается разговаривать, так некто не вяжись, как барабан гремит. – Ну, Барабан забарабанил (Костылиха Арз.), **Амортизатор**, м. *Она бегает больно быстро* (Ковакса Арз.), **Блин**, **Заглодыш**, м. Сестра у неё тёща, зовём Заглодыш, а она толста, и зовём Блин (Трудовое Див.), **Трибунал**, м. Больно хорошо говорила, как сё онно што выступала (Костылиха Арз.), **Бублик**, м. (Первомайск), **Букетик**, м. (Яново Серг.), **Вагон**, м. (Лидовка Арз.), **Пузырь**, м. (Лукоянов), **Цыплёнок**, м. (Глухово Див.), **Виноградник Усохший**, м. (Елховка Шатк.) и др.;

– средний род – лицо мужского или женского пола:

Крыло, ср. (Стеково Ард.), **Кокó**, ср. (Уланки Шатк., Глухово Див.), **Пузо**, ср. (Берещино Перв.), **Колесо**, ср. (Новый Усад Арз.), **Яблочко**, ср. (Казаково Арз.), **Пиво**, ср. (Тольский Майдан Лук.) – мужчины; **Помело**, ср. (Курилово Д.-Конст.), **Полено**, ср. (Лидовка Арз.), **Коромысло**, ср. (Бутаково Воз.), **Сало**, ср. (Суворово Див.), **Авокадо**, ср. (Перомайск), **Яблочко Румяное**, ср. (Семеново Арз.), **Солнышко**, ср. (Шутилово Перв.) – женщины; а также другие случаи.

При общем синтетически-аналитическом способе выражения рода (ср.: [6: 21–22]) в прозвищах возможны согласование по грамматическому роду и отсутствие такового (*Полено пришло* и *Полено пришёл*), в первом случае актуализируется предметность как база номинации, во втором случае – идея пола (идея лица определенного пола) и как следствие несоответствие рода полу, в обоих случаях – метафоризация, метафорическая ассоциативность, повышенная экспрессия. При этом сочетаемость имеет прагматическую обусловленность со всеми ее составляющими: характером субъекта, объекта (адресата) коммуникации, их взаимоотношений, ситуации, интенции. См. двоякую синтагматику:

Балалó – прозвище мужчины. *Был мужик у нас, так ёвó и звали Балалó. Балалó – оно и есть Балалó: болтун больно был, балуйл и балуйл, спасу никаково не было. – Балалó, бывало, не переслушашь. Вот какó Балалó было. – Ой, какó негóдно Балалó: набалуйл про меня не знай чово!* (Селякино Арз.)

Чисто семантическое обоснование (по полу лица) имеет род неизменяемых прозвищ, составных, образованных антропонимизацией глагольных синтагм, фраз. Например:

Бубý, м. (Смирново Шатк.), *Кáси-Мáси*, м. (Ключищи Шатк.), *Батý*, м. (Юморга Пильн.), *Алё*, м. (Замятино Арз.), *Колё-Молё*, м. (Заречное Арз.), *Кукарéку-За-Рéку*, м. (Круглово Ард.), *Гáври*, м. (Наумовка Арз.), *Вивý*, м. *Не выговаривал Виктор, а говорил Вивý, он немой.* *Вивý пришёл* (Красный Бор Шатк.), *Мíкки* – Мишин (Мухтолово Ард.), *Ченэпó*, м. (Большое Череватово Ард.), *Валё*, м. (Княжиха Пильн.), *Вáувау*, м. *Вáувау опять заорал* (Замятино Арз.), *Тай*, м. *Не выговаривал «три»* (Новый Усад Спас.), *Понимáешь*, м. (Туркуши Кул.), *Кости-В-Целофановом-Мешке*, м. (Красный Бор Шатк.), *Коза-Пропáла*, м. (Глухово Див.), *В-Полперца-Мать*, м. (Мотовилово Арз.), *Всё Путем-Всё В Лучшем Vide*, м. (Крюковка Лук.), *Халё-Дётки*, м. (Зелёные Горы Вад.), *Хочу Живу-Хочу Умру*, м. (Спасское), *Купи-Продам*, м. (Кармелейка Ард.) и др. – *Болé*, ж. (Дубское Перв.), *Глюгли́*, ж. (Дубенское Вад.), *Áли*, ж. (Веригино Арз.), *Браво*, ж. (Бритово Шатк.), *Гóрхо-Пéрхо*, ж. *Гóрхо-Перхо* *сказала мне про это* (Пешелань Арз.), *Гайти*, ж. (Маёвка Див.), *В-Ром-Капнот*, ж. (Мадаево Поч.), *Я Говорю-Я Говорю*, ж. (Яново Серг.) и др.

Рассмотренные факты наглядно подтверждают мысль, высказанную, правда, об апеллятивах:

«В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например: *живые мощи*, *колпак* – в применении к человеку, *баба* – по отношению к мужчине, *шляпа* – в переносном значении и т. п.). В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка» [2: 17].

Ср. также высказывание: «Гендерное распределение прозвищ, так же, как и древнерусских имен, часто не соответствует грамматическому роду тех слов, от которых они образованы» [9: 496].

В целом в области совершенно своеобразного класса слов – прозвищ (как дополнительного компонента именования русского человека), с их актуализированной идентификацией, в которых на первый план выдвигается характерологическая (характеристическая) функция на фоне собственно онимических – номинативно-референциальной и дифференцирующей, особую активность проявляет лексико-семантический способ деривации (антропонимизация, трансонаимизация) и как его результат – семантический перенос, прежде всего метафоризация, повышенная ассоциативность, повышенная эмоционально-экспрессивно-аксиологическая окрашенность, особенно при нарочитом рассогласовании *род – пол*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное свидетельствует не только о семантико-грамматическом (лексико-грамматическом) характере и проявлении категории рода в области прозвищной номинации, но и о том, что в ней активнее, ярче, нежели в апеллятивном пространстве, реализует себя семантическая составляющая категории рода.

Предложенная дифференциация прозвищ относительно их квалификации по роду может расцениваться как попытка (некоторые единицы могут вызвать иное прочтение), которая может быть учтена при лексикографической разработке неофициальных антропонимов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее полное название районов области и характер населенных пунктов даны в: Нижегородская область. Административно-территориальное деление: по состоянию на 1 января 1992 г. Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993. 272 с. См. также [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 704 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание второе. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.

3. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. Фонетика и морфология. 719 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
5. Климкова Л. А., Гузнова А. В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окса-Волжско-Сурского междуречья: Словарь. СПб., 2021. (В печати).
6. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. С. 19–41.
7. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
8. Суперанская А. В., Суслова А. В. О русских фамилиях. М.: Азбука, 2008. 288 с.
9. Суперанская А. В. Современные русские прозвища // Folia Onomastica Croatica. 2003. № 12/13. С. 485–498.

Поступила в редакцию 02.08.2020; принята к публикации 29.12.2020

Original article

Lyudmila A. Kilmkova, Dr. Sc. (Philology), Prof.,
Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod (Arzamas, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0217-164X; dialekt_arz@mail.ru

CATEGORY OF GENDER IN UNOFFICIAL ANTHROPONOMY

A b s t r a c t. The author refers to the classical works of Russian linguists stating that noun gender is a non-variable lexico-grammatical category, and then focuses on its realization in individual personal nicknames (primarily with the final -a/-ya) as part of microanthroponymic sphere, specifically through the correlation of such lexico-grammatical classes as appellativity–propriety and animacy–inanimacy. The nicknames used in the Oka-Volga-Sura interfluvia area of the Nizhny Novgorod region are studied using the descriptive, structural and semantic, componential, comparative and other interpretation methods to demonstrate the fact that this category has different semantics compared to the sphere of common nouns. Here, due to actualized identification, the discrepancy in the grammatical markers of noun gender and natural gender is a means of characterization, creation and expression of increased connotation. The author proposes a detailed classification of nicknames according to their gender and draws conclusions about the lexico-semantic character and manifestation of gender in nicknames, about the productivity of lexico-semantic derivation among them (anthroponymization and transonymization) accompanied by associativity and transformation (alongside with morphological derivation), as well as about the applicability of the observations and generalizations contained in classical linguistic works to the material under analysis. The proposed classification of nicknames according to their gender qualification could be taken into account in the lexicographic description of unofficial anthroponyms.

K e y w o r d s : microanthroponymy, nickname, grammatical gender, natural gender, animacy, inanimacy, appellativity, lexico-semantic derivation, anthroponymization, connotation

F o r c i t a t i o n : Klimkova, L. A. Category of gender in unofficial anthroponomy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.562

REFERENCES

1. Walter, H., Mokienko, V. M. Great dictionary of Russian nicknames. Moscow, 2007. 704 p (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. The Russian language (grammatical doctrine of the word). Moscow, 1972. 614 p. (In Russ.)
3. Grammar of the Russian language. Moscow, 1960. Vol. 1. Phonetics and morphology. 719 p. (In Russ.)
4. Grammar of the modern Russian literary language. Moscow, 1970. 767 p. (In Russ.)
5. Klimkova, L. A., Guznova, A. V. Informal anthroponymy in the Oka-Volga-Sura interfluvia area of the Nizhny Novgorod region: Dictionary. St. Petersburg, 2021. (In print). (In Russ.)
6. Morphology and syntax of the modern Russian literary language. *Russian language and Soviet society*. (M. V. Panov, Ed.). Moscow, 1967. P. 19–41. (In Russ.)
7. Russian grammar. Moscow, 1980. 288 p. (In Russ.)
8. Superanskaya, A. V., Susslova, A. V. Russian surnames. Moscow, 2008. 288 p. (In Russ.)
9. Superanskaya, A. V. Modern Russian nicknames. *Folia Onomastica Croatica*. 2003;12/13:485–498. (In Russ.)

Received: 2 August, 2020; accepted: 29 December, 2020